

© 2016 г.

Член-корр. РАН А.В. ГОЛОВНЁВ

**НАУКА И ЖИЗНЬ АКАДЕМИКА
ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ТИШКОВА
(к 75-летию со дня рождения)**

На наш век пришлось немало информационно-коммуникационных революций: компьютерная, интернетная, теле-мобильная, тур-индустриальная, и каждая радикально меняла если не сущность человека, то мотивы и стили самовыражения и общения, систему ориентации в пространстве и времени. Вдобавок тот, кто был рожден в СССР, а ныне живет в России, испытал на себе не только смену идентичности, но и калейдоскопическую череду преобразований, включая все мыслимые сценарии социального действия: разрушение и становление власти, разгул насилия и рождение элит, крах идеологии и реванш богов, расцвет мистики и мифологии, размножение общин, партий, пирамид, академий, кооперативов, сект. В ХХI в. мир, тешивший себя доктриной «устойчивого развития», столкнулся с изменчивостью, побуждающей разрабатывать стратегию не стабильности, а мобильности.

Валерий Александрович Тишков не только проложил свой путь в этой сложной турбулентной эпохе, но и участвовал в ее конструировании. К нему едва ли подходит клише: «В судьбе человека отразилась история страны»; он сам стал одним из сценаристов и режиссеров истории страны и ему, одному из немногих, до сих пор удается выполнять миссию Российской академии наук быть «мозгом нации». В.А. Тишков – выдающийся ученый, академик, самый цитируемый в стране этнолог и историк, лидер исторического сообщества России, руководитель Отделения историко-филологических наук РАН, яркий общественный деятель (член Общественной палаты в 2006–2010 гг.) и политик (федеральный министр, председатель Государственного комитета по делам национальностей в 1992 г.). Он сам по себе – и история, и двигатель истории, и ее аналитик.

Чего совершенно лишен В.А. Тишков, так это отстраненной созерцательности. Где бы он ни путешествовал, что бы ни видел и кого бы ни слушал, все и везде у него перерабатывается в алгоритм действия. Его знание – не столько констатация, сколько мотивация (может быть, так и должен вести себя поборник конструктивизма, исповедуемого В.А. Тишковым?). Даже навещая свою уральскую родину и погружаясь в воспоминания детства, он без паузы переключается на проблемы выживания малого моногорода, продвижения местных проектов музея, храма, завода. Впрочем, выпадают мгновения, когда, налегая на весла и правя лодкой на Нижнесергинском пруду, он будто возвращается на много лет назад, и от его рассказов веет теплом просмоленных лодок и азартом ночного лучения раков. В этот момент у окружающих мелькает удивление, какую многогранность способен уместить в себе один человек.

РОВЕСНИК ВОЙНЫ

Валерий Тишков родился в год начала войны, 6 ноября 1941 г., на Урале, в городке Нижние Серги Свердловской области¹. Безмятежного детства ему не досталось:

Головнёв Андрей Владимирович – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия).

¹ Здесь и далее, с позволения В.А. Тишкова, я использую сведения из его неопубликованных мемуаров.

состояние военной тревоги и ожидания мира у него с пеленок, с молоком матери, с мыслями о затерявшемся на войне отце. Его родители – Александр Иванович Тишков (родом из деревни Коркино Туринского района Свердловской области) и Раиса (по паспорту Ираида) Александровна Тягунова – школьные учителя; отец преподавал географию и физкультуру, мать учила детей читать и писать в начальных классах. Незадолго до войны отца взяли в армию, где он прошел командирские курсы и вступил в компартию. На третий месяц войны политрук Александр Тишков попал в окружение под Уманью, а затем в немецкий плен и концлагерь шталаг 326 в округе Штукенброк, где погибли 65 тыс. советских солдат. Пока отец-коммунист выживал в нацистской Германии, бабушка (Мария Михайловна Тягунова) тайно крестила его новорожденного сына в уральской кладбищенской часовне.

Весть о том, что отец жив, пришла после окончания войны, летом 1945 г., но была омрачена новой тревогой. Освобожденный американцами политрук Тишков (военнопленный № 128479) был передан советским спецслужбам и проходил «филтрацию» в спецлагере НКВД во Франкфурте-на-Одере. Домой на Урал он вернулся в декабре 1945 г. «без красивых орденов», что стало причиной «детских огорчений» его малолетнего сына. Еще несколько лет он регулярно отмечался в милиции как бывший военнопленный.

Сложное детство продолжилось в школе, где Валерию Тишкову пришлось «делать себя самому». По его признанию, он учился усердно, «потому что родители внушали: сын учителей должен учиться хорошо». Более того, во избежание кривотолков семья намеренно разошлась по разным школам: мать работала в школе № 5, отец – в школе № 2, а сын учился в школе № 1. В воспоминаниях Тишкова часто звучит слово «сам»: ловушку для раков сделал сам, настольную лампу – сам, сплав на плотках по реке Серге по окончании восьмого класса провел сам. Став председателем совета пионерской дружины, сам организовывал линейки, субботники, сбор макулатуры и металлолома, слеты, выпуск школьной газеты «Смена». Приобретенные в детстве самостоятельность и инициативу В. А. Тишков до сих пор считает своими главными достоинствами.

Домашняя учительская среда взяла свое – он много читал и писал лучшие в школе сочинения. Одновременно, правда, увлекся заразной среди горнозаводских мальчишек карточной игрой, на что однажды учительница литературы Нина Васильевна Малинина сказала: «Если хочешь получить золотую медаль, кончай играть в карты». Преподавательница литературы и ее муж, учитель истории Расин, сыграли особую роль в судьбе Валерия. Уехавшие из Ленинграда на Урал из опасений гонений на евреев, они украсили собой сергинское учительство. Малинина, заприметив среди школьников одаренного юношу, взялась заниматься с ним языком и литературой; Расин вел уроки истории так, что в его исполнении «Краткий курс истории ВКП(б)» звучал увлекательным учением об исторической эволюции. Так у юного Тишкова уже в школе сложились историко-филологические наклонности.

Не исключено, что уральская среда сыграла свою роль и в сложившемся много позднее этнологическом профиле Тишкова, не видящего ничего маргинального в этнической смешанности и сложности: «Этническая идентичность может определяться в том числе сложными словами: русский еврей, украинец-русский, татаро-башкирин и т. п. По мнению некоторых специалистов, подобные люди относятся к категории этнических маргиналов. На самом деле это, скорее, норма для российского (не менее трети населения – потомки от смешанных браков) и подавляющего большинства других гражданских сообществ... Маргинальность нами видится именно в уходе в монокультуру, а не в выходе из нее»². Быть русским на Урале, как с детства усвоил Валерий Тишков, означает оставаться собой, признавать то же право за другими и дорожить общими ценностями и целями. Нижнесергинский мир, в котором он рос, объединял, помимо русских (состоявших из притом по-своему особенных кержаков, гамаюнов, пиканников, заводских), татар (уральских, казанских, касимовских), евреев, немцев

² Тишков В. А. О культурном многообразии. – Этнографическое обозрение, 2005, № 1, с. 10, 21.

и др. На Урале издавна сложилась динамичная мультикультурная среда со своей этно-дипломатией и традицией «сдержанного диалога», дававшая свободу от магии этничности³. Кроме того, уральская заводская реальность несла в себе устойчивый приоритет «общего дела».

Малинина внушила старшекласснику Тишкову дерзновенную мысль об МГУ и взялась готовить его к экзаменам. Родители отнеслись к идее настороженно, но по-разному. Отец сказал: «Зря прокатаешься», мать: «Раз хочет, пусть едет». Он поехал, с золотой школьной медалью и 50 рублями в кармане (из расчета туда и обратно). Из двух факультетов – исторического и филологического – он выбрал первый и, несмотря на пугающий конкурс, поступил. До сих пор он считает поступление на истфак МГУ своим первым серьезным самостоятельным решением, принятым вопреки уговорам родных и земляков («не стоит рыпаться»). Шел 1959 год, ему было 18.

Первую курсовую студент Тишков писал по «Русской правде», затем, не то под впечатлением от школьных уроков Расина, не то потому, что история партии казалась ему близкой «к теории исторического процесса», он двинулся на кафедру истории КПСС. В то время именно история партии соединяла в себе векторы знания и действия, учения и практики. Можно сколько угодно иронизировать по поводу ее академичности, но того, что сегодня называется конструктивизмом, в ней было хоть отбавляй: как брать власть, как свергать бога и царя, как «овладевать массами» и истреблять (классовых) врагов, как строить новое государство и править народами. Было в ней и то, что на Западе считается элитологией – пристальное внимание к вождям и их деяниям. Правда, в этом интересе студент 3-го курса Тишков переусердствовал. Одолев в английском оригинале книгу Исаака Дойчера “Stalin: a Political Biography” (1949 г.), полученную от американского стажера, он на семинаре поделился вольными суждениями о репрессиях, депортациях и тоталитаризме. Предвидя идеологическую опалу и отчисление с кафедры истории КПСС, он явился на кафедру новой и новейшей истории к профессору Е.Ф. Языкову с просьбой о специализации по американистике и получил одобрение.

Дипломную работу по теме «Позиция США на Потсдамской конференции» Тишков защитил под руководством Г.Н. Севостьянова (тогда доцента, позднее академика) на отлично в 1964 г. Вскоре судьба забросила его поближе к Америке – в Магадан, где в пединституте открылась кафедра истории. Здесь старший преподаватель В.А. Тишков в компании с недавними аспирантами В.Н. Балязиным (будущим историком-романистом) и М.П. Павловой-Сильванской (будущим редактором журнала “Pro et Contra”) готовил для дальнего Северо-Востока учителей-историков. В 1965 г., в возрасте 24 лет, он стал деканом историко-филологического факультета и выезжал в Анадырь для набора абитуриентов из числа чукчей. С тех пор Север, его коренные народы, чукотско-эскимосское косторезное искусство остаются в числе привязанностей В.А. Тишкова. Кроме того, за два года преподавания нескольких больших курсов, в частности новой и новейшей истории стран Запада и Востока, он «узнал фактической истории больше, чем за все время студенчества».

В 1966 г. В.А. Тишков вернулся в Москву и поступил в аспирантуру МГПИ им. В.И. Ленина к А.Л. Нарочницкому (будущему академику), который на предложение продолжить изучение истории дипломатии возразил: «Архивы тебе не откроют». Зато тему по истории Канады он одобрил, а в качестве творческих установок добавил: «Пиши, как было», «Береги честь смолоду» и «Чтобы стать хорошим историком, нужно иметь могучее здоровье и чугунную задницу». Кандидатскую диссертацию «Исторические предпосылки канадской революции 1837 г.» В.А. Тишков защитил в 1969 г.⁴

В 1970 г. В.А. Тишков по условиям целевой аспирантуры вернулся в Магадан, хотя в это время пункты возвращения и назначения перепутались – он женился на

³ Головинёв А.В. Этничность и идентичность на Урале. – Уральский исторический вестник, 2011, № 2(31), с. 46.

⁴ Диссертация была издана как книга: Тишков В.А. Страна кленового листа: начало истории. М., 1977.

москвичке Ларисе Михайловне Никишовой, выпускнице истфака МГУ, работавшей искусствоведом в Третьяковской галерее. Круговращение ускорилося: весной того же года выставка Третьяковской галереи, организованная Ларисой, уже приехала в Магадан, а летом Валерий полетел в Москву для участия во всемирном конгрессе историков. Два года спустя он окончательно перебрался в столицу. Магаданская одиссея обозначила его вступление во «взрослую жизнь». Он стал исследователем, мужем, отцом (в Магадане родился сын Василий). Опыт пересечения огромного пространства в восемь часовых поясов дал новое восприятие страны, важное для историка и антрополога.

РАСШИРЕНИЕ ГОРИЗОНТА

По приглашению Г.Н. Севостьянова, не забывавшего своего бывшего студента, В.А. Тишков в 1972 г. был принят младшим научным сотрудником в Институт всеобщей истории, в сектор истории США и Канады. На следующий год он побывал в Канаде, историю которой прежде изучал заочно. Монография по истории Канады⁵ была защищена им (по совету академика Е.М. Жукова, директора института) в качестве докторской диссертации в 1979 г. В истории Канады от ее завоевания Англией в 1760 г. до образования независимого доминиона в 1867 г. обнаружилось немало сюжетов, имевших не только историческое, но и современное звучание, в частности, проблемы федерализма, франкоканадцев, индейцев. Изданная позднее «История Канады» содержала акценты на проблемах национального самоопределения и нациестроительства⁶.

Валерию Тишкову со студенческих лет везло на знакомства с будущими академиками – Ю.С. Кукушкиным, А.Л. Нарочницким, Г.Н. Севостьяновым, С.Л. Тихвинским. Общение с академиками – дело рискованное, но полезное: оно делает мировые проблемы проще, а вершины науки ближе. В Институте всеобщей истории В.А. Тишков оказался плотно включенным в «академический круг»: институтом руководил академик Е.М. Жуков, а сектором истории США и Канады – Г.Н. Севостьянов. 1974 год стал в судьбе молодого историка чем-то вроде Рубикона или Тулона. В 1975 г. должна была состояться поездка большой делегации советских историков на XIII Международный конгресс исторических наук в Сан-Франциско, и Е.М. Жуков привлек его, ученого секретаря профильного сектора истории США и Канады, в качестве секретаря оргкомитета по подготовке этой поездки. На первый взгляд, дело хлопотное и рутинное. Но надо представлять себе, чем была встреча лидеров исторических наук США и СССР в годы противостояния сверхдержав и кем был академик Е.М. Жуков, возглавлявший тогда не только Институт всеобщей истории и Отделение истории АН СССР, но и Международный комитет исторических наук. В Сан-Франциско предстояла идеологическая битва враждебных исторических школ, причем на чужом поле. В ходе подготовки советской делегации проходили многочисленные согласования и совещания, в том числе встречи историков социалистических стран по координации действий на конгрессе. Младший научный сотрудник Тишков угодил в гущу этих событий, напоминая работу генштаба в преддверии военной кампании.

После конгресса в Сан-Франциско академик – секретарь Е.М. Жуков предложил В.А. Тишкову должность Ученого секретаря Отделения истории АН СССР. Это был серьезный карьерный успех, грозивший, однако, превратить 35-летнего исследователя в бюрократа. В.А. Тишков это осознавал, но принял это предложение и в течение шести лет, с 1976 по 1982 г., сочетал административную работу в аппарате Президиума академии с научными исследованиями, и не только по истории Канады. Прямые контакты с ведущими учеными страны, в том числе Жуковым, а после его смерти с академиками – секретарями Б.Б. Пиотровским и С.Л. Тихвинским, как и общение

⁵ *Тишков В.А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. М., 1978.

⁶ *Кошелев Л.В., Тишков В.А.* История Канады. М., 1982.

с другими выдающимися историками, открыли ему поле знаний, которое можно назвать гуманитарным науковедением.

Освоившись в элитных академических кругах и будучи экспертом по истории Нового Света, В. А. Тишков решил взяться за изучение американских историков. Статус сотрудника Президиума Академии наук позволил ему в 1975–1984 гг. несколько раз побывать в научных командировках в США. В 1980 г., на пике «холодной войны», он провел в США два месяца по стипендиальной программе Фонда Эйзенхауэра, посетил основные исследовательские центры, издательства научной литературы, редакции журналов, встретился с ведущими американскими историками. Результатом этого амбициозного проекта-мониторинга стала книга «История и историки в США» (М., 1985 г.), в которой рассмотрены методы подготовки историков-профессионалов, сферы их интересов и специализации, условия труда и финансирования научных изысканий, состояние источниковой базы исторической науки, деятельность ассоциаций и обществ историков в США. Одновременно представился случай сопоставить состояние науки в СССР и США благодаря участию в проекте академика И. Д. Ковальченко по применению количественных методов в истории и работе в советско-американской комиссии по организации международных симпозиумов и подготовке международных изданий.

Американистика граничит с индеанистикой, и в 1982 г. академик Ю. В. Бромлей пригласил В. А. Тишкова в Институт этнографии АН СССР, где вскоре его избрали заведующим сектором народов Америки. В какой-то мере поворот Тишкова от истории к этнографии шел в русле общего тренда «антропологизации истории», в какой-то – повторял профессиональную траекторию самого Ю. В. Бромлея, в прошлом историка-слависта, а затем директора Института этнографии и «теоретика этноса». В. А. Тишкову в этнографии было удобнее, чем его предшественнику – помогал северный опыт Магадана и Канады, и все же, по его собственному признанию, это был нелегкий переход в другую дисциплину и в другое академическое сообщество, имевшее собственные традиции и выстроенные годами личностно-профессиональные связи. Освоение этнографического метода В. А. Тишков начал с изучения североамериканских индейцев и этнических проблем США и Канады. В 1980-е годы он провел полевые исследования на Гавайях, Аляске и Великих озерах, в Калифорнии, Британской Колумбии, Квебеке, канадской Арктике и других районах Северной Америки. По проблемам индеанистики были организованы регулярные симпозиумы с публикацией материалов и выпущены книги о коренном населении Северной Америки. Расширение тематического и теоретического диапазона было не только приращением знаний, но и накоплением опыта посредника между различными школами и дисциплинами, темами и методами.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКИ

В 1988 г. В. А. Тишков был назначен заместителем директора Института этнографии, а в 1989 г. избран его директором вместо ушедшего в отставку по состоянию здоровья Ю. В. Бромлея. Уже тронулся лед Перестройки, вскоре снесший здание «советский народ» и вздыбившийся «парадом суверенитетов». Если Бромлею достался этнический штиль, то В. А. Тишкову пришлось выйти в шторм. Не было времени (да и нужды) методично осваивать ремесло традиционного отечественного народоведения – реальность диктовала свои условия маневра в разбушевавшейся стихии национализмов.

На Институт этнографии и его директора посыпалась масса экстренных запросов по «национальному вопросу», который еще недавно казался окончательно решенным. Цех этнографов, привыкших создавать статичные образы этносов, был не готов реагировать на динамику перемен. Актуальность науки о народах резко возросла, но ее методы выглядели архаично. Многие этнографы предпочли переждать этнические бури, укрываясь за милыми их сердцу традициями.

В. А. Тишкову укрыться было негде, тем более что его уже вынесло на стремнину. О своем вхождении в новую науку он говорит: «Этнологом я стал в порядке самообразования». К этому можно добавить: «И в ходе боевого крещения». Отныне даже кабинетная работа напоминала трибуну. Вскоре после избрания директором, в 1989 г., он выступает с докладами и статьями по проблемам национальной политики и этнических конфликтов в журнале «Коммунист» (статья «Народы и государство»), на секции общественных наук Президиума АН СССР (с докладом, опубликованным в виде брошюры «Да изменится молитва моя! О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений»), а также в связи с подготовкой Съезда народных депутатов и XXVIII съезда КПСС.

Обстоятельства требовали срочной реформы науки в связи с необходимостью учитывать новые жизненные реалии. В то время не было понятно, куда держать путь и народы какой страны изучать – СССР на глазах распадался. В отсутствие иных ориентиров оставалось опереться на мировые практики этнологии и социальной (культурной) антропологии. В мемуарах В. А. Тишков отмечает: «Мне было важно модернизировать дисциплину, вписать ее в мировое этнологическое и антропологическое знание, сохранив при этом цеховую основу нашей науки – ее этнографический метод, а также некоторую российскую отличительность». Реформа ознаменовалась переименованием дисциплины: с 1992 г. «этнография» стала называться «этнографией, этнологией и антропологией», а Институт этнографии был переименован в Институт этнологии и антропологии.

В. А. Тишков видел еще одну проблему выживания науки и ее профессионального цеха. После краха коммунистической идеологии целая армия дипломированных специалистов по профилю научного коммунизма и марксистско-ленинской философии оказалась безработной и двинулась на поиски места под солнцем, осваивая все, что созвучно с учением о человеке и понятиями «антропология», «социология», «культурология». Более того, бывшие специалисты по марксистско-ленинским дисциплинам имели серьезные основания заявлять претензии на звание антропологов, поскольку в советское время их концепции были востребованы в сферах «воспитания нового человека», «кодекса строителя коммунизма», общей теории «национального вопроса в СССР». Иначе говоря, именно на них приходилась львиная доля государственно-социального заказа на подобные исследования.

Горстка постсоветских этнографов терялась на фоне этой численно и статусно мощной когорты. И все же В. А. Тишков принимает решение не сдавать позиции и даже не держаться за уютный удел «бытописания и традиций», а идти в наступление на новые, прежде недоступные этнографам области экспертизы общегосударственного и глобального значения. Оглядываясь на те годы, он вспоминает: «Многим хотелось занять в своем арсенале это привлекательное слово “антропология”... десятки тысяч ученых, лишенных привычных дисциплинарных ниш в рамках кафедр диалектического материализма, научного коммунизма и марксизма-ленинизма, были вынуждены искать новые тематические сферы, статус и обозначение. Еще в начале 1990-х годов я пришел к выводу, что если мы сами не осуществим доброкачественную экспансию, то рискуем остаться в “этнографическом кафтане” конца XIX – начала XX в., а антропологами в России станут другие, которые к тому же сами и определяют, что есть для них антропология».

В 1990 г. по инициативе В. А. Тишкова в институте была запущена программа с красноречивым названием «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». В издании ее публикационной серии «проявилась одна из значительных перемен последнего периода, а именно – более активное обращение исследователей к современной тематике, усиление интереса к наиболее общественно значимым проблемам и расширение поля воздействия науки на политический процесс»⁷. Программа оказа-

⁷ Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. – Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 100. М., 1996, с. 1.

лась не только эффективной, но и перспективной: к 2016 г. серия включала уже более 240 выпусков, географически охватывавших все регионы России (особенно автономные республики Северного Кавказа, Урало-Поволжья, районы Сибири и Севера) и бывшие республики СССР, за исключением Армении и Азербайджана.

В развитие новых направлений науки в 1993 г. при Институте этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков создал Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN): «Придумав выражение “этнологический мониторинг” (его до сих пор нет в зарубежной лексике), я соединил его с давно известным “ранним предупреждением конфликтов” (early warning)». Сеть сразу начала работать на международном уровне по проекту «Урегулирование межнациональных конфликтов в постсоветских государствах» с публикацией Бюллетеня (на русском и английском языках). Международный масштаб деятельности Сети выразился в ее поддержке со стороны ЮНЕСКО: в 1996 г. на базе проекта в рамках программы ЮНЕСКО MOST (Management of Social Transformations) сформировался Центр по изучению и урегулированию конфликтов, выпускавший серию «Модель этнологического мониторинга»⁸. Сеть имеет международный облик и по составу участников; в нее входят 50 с лишним ученых разных национальностей: русские, украинцы, азербайджанцы, армяне, латыши, молдаване, таджики, узбеки, татары, башкиры, чуваша, мордвина, калмыки, карелы, коми, буряты, алтайцы, тувинцы, чеченцы, осетины, ингуши, лезгины, балкарцы, якуты и др. По оценке российских и зарубежных экспертов, успех деятельности Сети обеспечивается не в последнюю очередь фигурой харизматического лидера⁹.

Становление новых научных направлений и выдвижение на ключевые позиции экспертов-этнологов едва ли могло состояться, во всяком случае столь оперативно, без еще одного действия В. А. Тишкова – «хождения во власть». Диалог ученых и политиков со времен утопии Платона об идеальном правлении философов остается до сих пор камнем преткновения мотивов и целей, теорий и практик. Иногда складывается впечатление, что гармония ума и силы априори невозможна; иногда кажется, что дело за медиумами, которые способны эти миссии совмещать хотя бы эпизодически.

27 февраля 1992 г. указом Президента Б. Н. Ельцина В. А. Тишков был назначен на должность федерального министра – председателя Государственного комитета по национальной политике (позднее – «по делам национальностей»). От ученого-министра ждали вакцины от поразившего государство и стремительно прогрессирующего недуга национального распада, который проявился в политизации межэтнических конфликтов, разладе отношений федерального центра с национальными республиками и нагнетании национализма. Занимая государственную должность и оставаясь директором Института этнологии и антропологии РАН, Тишков взялся за создание концепции национальной политики России. Как эксперт он понимал, что приливы и отливы национализма ситуативны и управляемы, что национальный распад можно предотвратить только сильной надэтнической идеей и что попытки этнотерриториальных переделов конфликтогенны. В свою концепцию он заложил две ключевые установки – научные концепты, преобразованные в политические принципы: единство гражданской российской нации и многообразие национально-культурных автономий. Позднее эти установки приобрели популярность в девизах типа «единство разных» и были приняты в качестве государственных доктрин, но в начале 1990-х годов они раздражали многих хотя бы тем, что настраивали на позитив среди торжества негатива. В. А. Тишков со своей концепцией национальной политики встал на пути жаждущих реванша и лидерства. В ситуации болезненной ломки самосознания огромного народа ему приходилось убеждать чиновников в различии и в то же время в совместимости «национального» и «этнического», «территориального» и «культурного», и одновременно

⁸ Тишков В. А. Этномониторинг сложных обществ. – Опыт этнологического мониторинга. М., 2004, с. 5–14.

⁹ Этнополитология сегодня: интервью О. Ю. Малиновой с В. А. Тишковым. – Политическая наука, 2011, № 1, с. 264–276.

реагировать на тревожные сигналы: уже пылал конфликтами Кавказ – Чечня, Кабардино-Балкария, Южная и Северная Осетия.

Разработанная В. А. Тишковым концепция национальной политики подверглась жесткой критике противников гражданской российской нации. Сказалось и конкурентное противодействие других проектантов «национальной политики» (прежде всего Р. Г. Абдулатипова и Г. В. Старовойтовой). Разнобой в действиях ведомств и разногласия среди политической элиты создавали риски там, где их следовало тщательно избегать. Когда в 1992 г. развернулось движение за восстановление национально-территориальных образований в связи с реабилитацией репрессированных народов, некоторые законы принимались в обход госкомитета (например, об образовании Ингушской республики, без урегулирования ситуации в Пригородном районе Северной Осетии). Между тем активисты «именем народа» призывали реализовать проект Сахарова–Старовойтовой о национально-государственном устройстве по принципу «один народ – одно государство» (каждая этническая общность имеет свою государственность), а министр в ответ предупреждал о вакханалии, которую может вызвать подобное политическое действие в этнически смешанной России. Дееспособность госкомитета оставляла желать лучшего из-за отсутствия среди сотни его сотрудников профессионалов-этнологов. «Как ни трудно в это поверить, но в России, одной из самых многоэтнических стран мира, нет выпускников вузов, в дипломах которых указана профессия этнолога-антрополога!», – восклицает по этому поводу В. А. Тишков в своих мемуарах.

«Хождение во власть» продолжалось семь месяцев. В середине октября 1992 г. В. А. Тишков подал в отставку, и 16 октября Ельцин подписал соответствующий указ (это была первая добровольная отставка министра в истории постсоветской России). С долей иронии он называет свое пребывание в правительстве бесценной «полевой работой» по теме антропологии власти. Задавая самому себе вопрос о допущенных ошибках, он называет прежде всего совмещение руководства госкомитетом и институтом: «Это был стилистический разрыв: институт – это многоголосие, а министерство должно говорить одним голосом. В один и тот же день управлять этими разными институтами было сложно». В числе неутешительных уроков значится вывод: «Российские политический класс и экспертное сообщество имеют скудный опыт по части понимания и управления многоэтнической страной в ситуации реформ и либерализации».

При всей склонности и способности к саморефлексии В. А. Тишков пока не вполне адекватно оценивает последствия своего «хождения во власть», которое, кстати, продолжилось в иных версиях и позднее (в Общественной палате, Консультативном совете по делам национальностей при Президенте РФ и т. д.). Без него и национальная политика России была бы другой, и наука этнология выглядела бы иначе. Политический истеблишмент говорит сегодня о национальной политике на «языке Тишкова», хотя многие, вероятно, полагают, что «слова народные». У науки этнологии появилось новое практическое измерение: прежде ее прикладная значимость нередко ограничивалась музейно-развлекательной экзотикой, ныне ее экспертиза востребована в стратегиях национального и глобального уровней.

ЧЕЧЕНСКИЙ ВЫЗОВ

В поле исследований и интересов В. А. Тишкова глубоко врезалась тема насилия и войны, начиная с кровавого конфликта в Оше 1990 г. между киргизами и узбеками, которому он посвятил статью «Не убивай меня, я – киргиз»¹⁰ с подзаголовком в русском черновике «Культура этнического насилия». Исследование войны у В. А. Тишко-

¹⁰ *Tishkov V. A. Don't kill me, I'm a Kyrgyz! An Anthropological Analysis of Violence in the Osh Ethnic Conflict.* – *Journal Peace Research*, 1995, v. 32, № 2, p. 133–149. Летом 2010 г. ему пришлось вернуться к теме киргизско-узбекского конфликта, участвуя в Международной комиссии по исследованию событий на юге Киргизии.

ва мотивировано стремлением к миру, прочно заложенным с детства, и не случайно его синхронная работа в Международном институте мира в Осло (PRIO), где он в 1994–1998 гг. руководил научной программой по изучению конфликтов. Однако В. А. Тишков не ограничился пацифистским настроем, а пошел на обстоятельное исследование войны, видя в ней не только важный социо-культурный феномен, но и ключ к пониманию других общественных явлений. «Война и насилие есть часть жизни, а не домен смерти», – отмечает он в книге о чеченской войне¹¹.

В. А. Тишков как министр не причастен к развязыванию чеченской войны, но прочно связан с ней как эксперт. Свое исследование он называет этнографией, хотя побывал в зоне конфликта лишь однажды, в октябре 1995 г. Этнографической включенности он достигает иным путем – «методом делегированного разговора» с участием чеченцев – интервьюеров, которые не только ведут беседы и записи на чеченском и русском языках, но и дополняют их своими комментариями. Тем самым исследование приобретает вид чеченского дискурса, в который вовлечены не только воюющие стороны, но и причастные к событиям политики, общественные активисты, писатели, ученые, включая самого автора. Прямая речь участников войны составляет около половины 552-страничного текста, который автор компокует так, как монтирует фильм кинодокументалист, поочередно фокусируясь на отдельных персонажах и связывая монтажом их высказывания в общее повествование, а себе оставляя закадровый голос (впрочем, весьма выразительный). Эта этнографическая документалистика дает эффект погружения, и именно живые голоса вызывают к концу чтения ощущения тяжести и помрачения от войны.

Живыми голосами в дискурсе звучат и высказывания о чеченцах Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына, писателя-эмигранта А. Г. Авторханова и этнографа Я. В. Чеснова, по-своему причастных, несмотря на разрывы в пространстве и времени, не только к чеченской неомифологии, но и к мобилизации воюющего общества. Сходным образом в дискурс войны вовлечены другие исторические персонажи и представители культуры Чечни, но они имеют отношение к сражающимся чеченцам лишь в той мере, в какой реально воздействуют на их мотивации и настроения через призывы лидеров, интерпретации масс-медиа, маневры политиков – через конструкты, создаваемые личностно и ситуативно, а не заложенные испокон веку в культурно-историческом наследии или генофонде чеченского народа.

Этот конструктивистский подход не отменяет историю и культуру, а открывает их ниши в реальной жизни. «Великое дело шейха Мансура и имама Шамиля» не заложено в каждом чеченце с рождения, а вписывается в сознание и активизируется в поведении возбуждающими призывами. Призыв к «реваншу внуков» за боль и унижение дедов в ходе депортации нашел массовый отклик не в 1950-е и не в 1970-е годы, когда чеченские лидеры следовали заветам КПСС, а в 1990-е, когда партия рухнула и на авансцену вышли иного склада политики. Историк и этнограф В. А. Тишков настаивает на том, что не исторические и этнические традиции овладевают умами людей, а сами люди, особенно их лидеры в сложившейся жизненной ситуации, настраивают и используют историю и культуру по своему усмотрению. Отстраняясь от исторического, культурного и этнического «фундаментализма», он заходит к тем же темам со стороны действующего лица: его внимание приковано не к вайнахской этничности или исламской религиозности, а к тому, как их использовали в своих действиях Дудаев или Яндарбиев.

Иногда дух захватывает от того, на какую высоту персонализации взбирается В. А. Тишков в своих антропологических и исторических дискурсах. При этом внутри персонализации он представляет не статичный образ, а ситуативную траекторию персонажа в его поступках, амбициях, капризах. Например, по его мнению, перерастания конфликта в войну не удалось избежать из-за вспыхнувшей (и умело подогретой)

¹¹ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны, 2-е изд. М., 2003, с. 386.

личной обиды Ельцина на Дудаева, который «негативно о нем отзывался»¹². Действия Дудаева и Хасбулатова он интерпретирует не как скрупулезный историк, а как наблюдательный антрополог, отмечая в них черты характеров, на проявления которых уже затем – впоследствии – навернутся общественные события, движения масс, «исторические итоги». Судьбы войны и мира зависят от ситуативного баланса в элитах «ястребов» и «голубей», к каким бы этнокультурным сообществам они ни относились. В этом ракурсе сторонами конфликта выступают отнюдь не народы: «В чеченской войне... нет такого социального и даже этнографического факта как “чеченский народ” или “чеченская нация”, как нет и такого социально-политического факта как “Россия”, а тем более “русские”»¹³. Автор сконцентрирован не на расхождении культурных ценностей, а на анатомии конфликта, в котором решающую роль играют не этнические традиции, а персональные амбиции отдельных лидеров и социальные технологии.

Впрочем, В.А. Тишков не обходит вниманием и традиции, но опять-таки не как монументы, а как инструменты. В вайнахской «ходячей почте» хабар он видит способ связи чеченцев и ингушей во времена депортации, обеспечивавший взаимную поддержку, а затем согласованное возвращение на родину. В родстве он решительнее, чем П. Бурдые, усматривает инструмент социальных технологий, предпочитая, однако, вести речь не о традиционных тейпах, а о «неотейпизме», который «стал не столько “возрождением” или повышением значимости традиционного социального института, сколько прежде всего современной мобилизацией и современным конструированием новых различий»¹⁴.

Этнография чеченской войны убедила В.А. Тишкова в том, что сражаются и убивают друг друга не традиции и не народы. На первый план вышли лидеры с их персональными амбициями и социально-информационными технологиями, в том числе инструментарием этничности. Такой подход – внимание к индивидуальным решениям и действиям – нередко называют «микроисторическим». Мне представляется он, напротив, в масштабе макро, по крайней мере для антропологии, поскольку позволяет дать крупный план главных действующих в истории и современности лиц.

Чеченская военная этнография под пером В.А. Тишкова радикально отличается от отечественного «этнографического стандарта», воспроизводящего статичные картины традиций и этноса (этого термина Тишков всеми средствами избегает именно за его шлейф статики). Вслед за книгой о чеченской войне (М., 2001 г.) вышла фундаментальная монография «Реквием по этносу» (М., 2003 г.), в названии которой выражено не отрицание предмета науки этнологии (этнографии), а необходимость смены ее главного персонажа, каковым, по мнению автора, выступает человек в многообразии его отношений и идентичностей – не человек в этничности, а этничность в человеке¹⁵.

«Чеченский вызов» стал сложным практическим тестом для теории. Исследования В.А. Тишкова не имеют ничего общего с этнографическими пасторальями и плавными панорамами традиций. Он привнес в науку методологию, обновившую отечественную этнологию и антропологию – конструктивизм. При этом он обновил и конструктивизм, добавив к теории вектор действия. Его конструктивизм – не какой-то специфический метод анализа, а позиция участника, вовлекающая исследователя в живую реальность, тестирующая его взгляды и подходы на практике.

Есть теории, которые заучиваются в университетах и усваиваются из книг, а есть те, которые вынашиваются на практике; они чаще всего и приобретают впоследствии качество фундаментальности. Бытующее до сих пор разделение исследований на фундаментальные и прикладные – анахронизм (по крайней мере, применительно к гуманитарным наукам): если это исследование, то в нем непременно есть оба качества. Вслед

¹² Там же, с. 48–49.

¹³ Там же, с. 519.

¹⁴ Там же, с. 143.

¹⁵ *Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии.* М., 2003, с. 32.

за физиком Г.Р. Кирхгофом и независимо от него, на собственном опыте, В.А. Тишков заключил: «Занимаясь почти 35 лет научным трудом и краткий период – государственным управлением в качестве федерального министра, я пришел к убеждению, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория и адекватный диагноз проблемы»¹⁶.

РОССИЙСКОЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Для конструктивиста важна и обратная проекция: всякая теория практична, поскольку в ней выявляется стратегия действия. Теория стратегий действия и образует конструктивизм. Вопрос лишь в том, в каком конструировании участвует сам исследователь, какую собственную стратегию реализует. Если «Реквием по этносу» – концептуальная платформа, то вышедшая 10 лет спустя книга «Российский народ»¹⁷ – стратегия действия. Это позиция гуманитария, не отстраненно созерцающего течение событий, а принимающего на себя ответственность за выбор общественно значимых мировоззренческих ориентиров. Это активная антропология, наука действия, включающая как извлечение знания из реальности, так и возвращение обработанного знания в реальность.

В.А. Тишков пишет книгу в равной мере для толкования сложившейся ситуации и для ее преобразования. Главный герой повествования – российский народ – одновременно факт и проект: «после распада СССР в России самоопределился российский народ как многоэтническая гражданская нация, и это есть свершившийся факт»; вместе с тем «самое важное – это попытаться убедить сограждан, что мы один народ: многообразный и цельный, с общими языком, ценностями, песнями, праздниками, переживаниями за победы и драмы своей страны»¹⁸. Таким образом, российская нация уже существует, но россияне колеблются в осознании и признании этого факта. Автор не только увлекает читателя повествованием о российском народе, но и вовлекает его в нациестроительство. Разговор в книге идет – ни больше, ни меньше – о национальной идее России, причем не в виде эпиграфа или лозунга, а по существу понятий «нация» и «идея».

Российская нация, полагает В.А. Тишков, складывалась с петровской эпохи, когда слова «Россия» и «россияне» вошли в политический и гражданский лексикон. Самоназвание «россияне» употребляли Феофан Прокопович, Николай Карамзин, Александр Пушкин. В начале XX в. «национальная идея» артикулировалась буквально теми же словами, которые звучат в начале XXI в.: П.Б. Струве видел Россию «многонародным государством», Н.С. Трубецкой – «многонародной нацией»; П.Н. Милюков призывал к созданию великой российской «многоплеменной» нации. Сегодня В.А. Тишкову представляется привлекательной и формула «Россия – нация наций» или «российский народ – это нация наций»¹⁹.

Одной из сил, тормозящих российское нациестроительство, Тишков считает этнонационализм, который стратегически и политически «чудовищно деструктивен». Гражданский национализм – напротив, позитивен, поскольку подразумевает «разделяемые населением государства ценности, правовые и другие нормы, а также политические и культурные символы, которые оформляют представление о стране как национальном государстве и о народе как нации»²⁰. При этом само по себе российское этническое «разнообразие – это в большей степени ресурс, а не источник риска»²¹. Более того, для России этнокультурная сложность – исконное и исходное состояние,

¹⁶ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте, с. 514.

¹⁷ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. Рец. см.: Головинёв А.В. Время ответственных смыслов. – Вестник РАН, 2014, т. 84, № 3, с. 76–80.

¹⁸ Тишков В.А. Российский народ, с. 36, 302.

¹⁹ Там же, с. 380, 601.

²⁰ Там же, с. 19, 308.

²¹ Тишков В.А. Языки нации. – Вестник РАН, 2016, т. 86, № 4, с. 292.

и сегодня «поддержка и укрепление региональных и этнических сообществ россиян есть одно из важных условий формирования российского народа – исторической и социально-политической общности, которая представляет собой “единство в многообразии”... Для Российской Федерации, опирающейся на многовековой опыт совместного проживания и развития народов и культур, мультикультурность (или многонациональность, как по Конституции) является не только естественной, но, пожалуй, единственно возможной формой существования государства»²².

Баланс политичности и этничности во многом обеспечивается соотношением русского и российского, способностью русскости принимать формат российскости во взаимодействии с другими культурами. Цитируя Ф. М. Достоевского «о всемирной отзывчивости русского человека», В. А. Тишков отмечает, что «русский язык был и остается языком культурного взаимодействия и взаимообогащения представителей разных этнических культур в рамках российской национальной культуры», а российский народ остается единственным хранителем культурно-ценностной системы на основе русского языка и христианского православия, хотя включает и другие культурные системы (в том числе иудео-христианскую, исламскую, буддистско-монгольскую, арктическую)²³.

В. А. Тишков – не только методолог, но и технолог гражданской идентичности и полиэтничности. За последние два десятилетия ему удалось, сверх ожиданий, существенно обновить понятийный аппарат науки и общественной сферы ее применения. Например, категории сложной идентичности, дрейфа идентичности, двойного смысла понятий «нация» и «национальный» вошли в обиход ученых и политиков в немалой степени благодаря его персональным усилиям. У него есть не только вера в силу научного слова, но и соответствующий успешный опыт.

Для гуманитария слово – универсальный инструмент, вес и точность которого определяют успех исследования. Антропология в целом – искусство диалога, и не только в общении исследователя и исследуемого, но и в передаче знания читателю через текст. В понимании В. А. Тишкова слово обладает статусом «акта речи», конструирующего социальную действительность. В конструктивистской методологии слово генерирует социальную действительность, поэтому «воображаемое есть также реальное»²⁴.

В. А. Тишков полагает, что решительная словарная работа может в значительной мере довести дело до искомого результата, причем не только в пространстве нашего отечества, но и за рубежом. «Моя давняя мечта ввести новое написание нашей страны *Rossia*, более точно отражающее русское звучание и отличающееся от слова *Russian* (русские)... Не может долго длиться ситуация, когда в русском языке существуют два слова – русский и российский, а, например, в английском одно – *Russian*, перевод которого в разных контекстах переводчики никак не могут определить»²⁵.

В отстаивании своей идеи В. А. Тишков штурмует глубинные стереотипы, в том числе отложившиеся в Конституции РФ: «Для нашей страны и для ее населения становится все более разрушительным и неадекватным назойливо употребляемое множественное число “народы России”, и пока мы не начнем, наряду с этим, утверждать понятие российский народ, ничего не получится... [С]охраняющееся восприятие российского народа исключительно в формуле “дружбы народов”, а не сложного единства представляет собой провал отечественной и зарубежной экспертизы»²⁶. Сегодня он мягко добавляет: вместо «дружбы народов» точнее применять выражение «дружный народ».

²² Тишков В. А. Российский народ, с. 346, 495.

²³ Там же, с. 505, 511.

²⁴ Там же, с. 92.

²⁵ Там же, с. 11.

²⁶ Там же, с. 308.

В своих мемуарах В. А. Тишков отмечает: «Без этнографов столь благополучное существование этнической мозаики СССР на протяжении почти целого века было бы невозможно»; а в книгах «Очерки теории и политики этничности в России» и «Пожар в умах» показывает, что советская «этническая инженерия», в том числе обоснования статусов «народов» и «народностей» – во многом дело рук этнографов, историков и лингвистов²⁷. Таким образом, этнографы и антропологи давно заняли свою нишу в «этноценозе» России.

После отмены «единственно верного учения» среди гуманитариев царит вольнодумие и мультиметодологичность. Это состояние поддерживается лидером сообщества, В. А. Тишковым, который считает творческую свободу высшим благом для себя и других. В науке его привлекают сложные динамичные явления, и мыслит он полифонично: многообразная сложность оказывается и предметом и стилем исследования. Он любит дискуссии, смело вступает в полемические схватки, иногда даже с самим собой, причем нередко на грани риска и парадокса. Он вобрал в себя множество опытов и теорий и сам по себе стал научным дискурсом. Кроме того, нацеленность на актуальные практики придает его лидерству проектность. При этом он не навязывает свою волю, а интегрирует разнообразные, иногда противоборствующие, инициативы и интересы. По его наблюдениям, «научное творчество (точнее – работа) привлекает особый род людей, менее одержимых жизненным преуспеванием, но любящих самоорганизацию и не терпящих внешних вмешательств. Признаюсь, что за четверть века уверенного директорства мне не удалось изменить выбранную или навязать новую тему ни одному своему сотруднику. Привлечь к новым проектам с финансированием еще можно, но и это только в случае, если ученый сам себе не обеспечил исследовательский грант или не погружен в любимую тему. Это не означает, что научная политика невозможна. Решающими факторами являются новые теории или методологии, а также сама общественная практика, которая ставит свои задачи каждодневно».

Во всем мире антропология из-за многообразия своего поля дробится на специализированные группы, хотя и стремится разного рода ассоциациями и форумами поддерживать целостность профессионального сообщества. Ситуация в России тем более сложна, что наука недавно претерпела реформу, растеклась по новым руслам, увлеклась злободневными проектами и зарубежными связями. Региональные исследователи, прежде наполнявшие коридоры столичного Института этнографии ради стажировок, консультаций и диссертаций, приобрели собственные кабинеты и ставки в размножившихся региональных институтах РАН и республиканских академий. К тому же в постсоветское время образовалась заметная брешь в коммуникации из-за прекращения централизованного распространения научных изданий. Отечественные проблемы и зарубежные аналоги подтолкнули В. А. Тишкова к созданию в России Ассоциации этнографов и антропологов. Вместе с С. А. Арутюновым, избранным первым президентом Ассоциации, он заложил новый формат профессионального сообщества. Это случилось в Рязани, где в 1995 г. собралось 80 исследователей из России и ближнего постсоветского зарубежья. Как вспоминает В. А. Тишков, «сильно покусанные комарами в пойме реки Оки, где проходил конгресс, эти люди заложили новую традицию». С тех пор Ассоциация антропологов и этнологов России (прежде она называлась «Ассоциацией этнографов и антропологов России») проводит свои конгрессы раз в два года в разных городах страны. Смена резиденций (с соответствующей ротацией президента) Ассоциации и мест проведения конгресса – не просто тяга этнографов к путешествиям, но и поддержка местных исследовательских групп, вовлечение их в российское профессиональное сообщество.

²⁷ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; *Tishkov V. A. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: the Mind Aflame.* London, 1997.

Интегрирующую роль для постсоветской этнологии сыграл целый ряд возглавляемых В. А. Тишковым публикационных проектов, прежде всего запущенная в 1992 г. фундаментальная серия «Народы и культуры» (на сегодняшний день опубликовано почти три десятка томов), в работе над которой участвовали авторы из региональных научных центров и стран ближнего зарубежья. К числу подобных проектов относятся и энциклопедии «Народы России» (М., 1994 г.) и «Народы и религии мира» (М., 1998 г.) – эти два фундаментальных издания, вместе с этнографической «Картой народов Российской Федерации», в 2002 г. были отмечены Государственной премией в области науки и техники, присужденной главному редактору В. А. Тишкову, а также двум его заместителям, П. И. Пучкову и С. И. Бруку (посмертно). Продолжением этих работ стал атлас «Народы России: культуры и религии» (М., 2008 г.)²⁸.

Лидерство включает профилированные взаимоотношения со старшим и младшим поколениями сообщества, а также посредничество между ними (иногда это называется «принципом преемственности»). Опыт науковедения, приобретенный В. А. Тишковым в изучении американской историографии, подсказал инициативный проект: став сотрудником Института этнографии, он в течение 15 лет находил удобные случаи для интервьюирования «живых классиков», благодаря чему Л. П. Потапов, Т. И. Жданко, С. И. Брук, К. В. Чистов, Е. П. Бусыгин, С. И. Вайнштейн, С. А. Арутюнов стали героями его публикаций в «Этнографическом обозрении», а затем в книге «Наука и жизнь: разговоры с этнографами». Интервью со старшими коллегами выдержаны в присущем ему стиле диалога – дискуссии, или «этнографии этнографии», увлекательной и познавательной²⁹. В плане отношений к предшественникам примечателен неизменно благожелательный тон В. А. Тишкова по адресу наставников-историков: академика А. Л. Нарочницкого с его остроумными напутствиями, академика Е. М. Жукова с его стратегическим мышлением и дипломатическим даром, академика Г. Н. Севостьянова с его удивительной бодростью духа и тела, академика Ю. В. Бромлея за его поддержку и такт (невзирая на концептуальные разногласия).

Взращивание юного поколения исследователей приковывает все больше внимания В. А. Тишкова. В 2000 г. в РГГУ под его началом был открыт учебно-научный центр социальной антропологии (с 2005 г. ассоциированная образовательная структура Института этнологии и антропологии РАН и РГГУ), который стал не только альма-матер для многих молодых исследователей, но и штаб-квартирой по разработке общероссийских образовательных стандартов. В последние годы он затратил тому времени и усилий для открытия направления «Антропология и этнология» в российских университетах, и сегодня курирует это направление в учебно-методическом объединении по историческим наукам. Школа В. А. Тишкова «Разработка новых методов и подходов в области социально-культурной антропологии», действующая с 2004 г. и включенная в число ведущих научных школ Российской Федерации, объединяет последователей его теоретических подходов.

Еще одним вектором лидерства является «внешняя политика» сообщества российских антропологов и этнологов. В международном контексте это выразилось в участии В. А. Тишкова во многих международных форумах, начиная с Конгресса антропологических и этнологических наук в Канаде (Квебек–Ванкувер, 1983 г.), и в его деятельности на посту вице-президента Международного союза антропологических и этнологических наук в 1990-е годы (сегодня В. А. Тишков досадует, что это бремя не подхвачено после него кем-либо из российских ученых). Одним из ярких международных проектов В. А. Тишкова было возрождение памяти о калифорнийской Русской Америке, которую он впервые посетил в 1975 г. и увидел Форт-Росс в плачевном состоянии: тогда «слова “Русская Америка” не признавались ни в СССР, ни в США,

²⁸ Уварова Т. Б., Викторова Е. Н. Краткий очерк научной, научно-организационной и общественной деятельности. – Валерий Александрович Тишков. Материалы к биобиблиографии ученых. М., 2016, с. 10–61.

²⁹ Тишков В. А. Наука и жизнь: разговоры с этнографами. М., 2008.

а сгоревшая часовня только восстанавливалась усилиями местных энтузиастов из числа представителей русской диаспоры». Почти 40 лет спустя, на празднование 200-летия Форт-Росса в июле 2012 г., В.А. Тишков во главе российской делегации привез в бывшую русскую колонию в Калифорнии изданный Институтом этнологии и антропологии двухтомник документов «Россия в Калифорнии»³⁰ и провел международный симпозиум «Форт-Росс как живая память» (ныне Форт-Росс – исторический парк штата Калифорния – драматический символ общей российско-американской истории).

В междисциплинарном контексте координацию профессиональных отношений этнологов и других представителей большой семьи гуманитарных и социальных наук ему помогает ключевая позиция в РАН и ряде экспертных советов (включая председательство в Этнографической комиссии РГО). Занимая ответственные должности в Отделении историко-филологических наук РАН (с 2002 г. заместитель академика – секретаря, с 2008 г. руководитель Секции истории, с 2013 г. академик – секретарь), В.А. Тишков руководил серией общероссийских программ фундаментальных исследований Президиума РАН и Отделения историко-филологических наук: «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (2003–2005 гг.), «Адаптации народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006–2008 гг.), «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009–2011 гг.), «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014 гг.)³¹. Этой миссии способствовала междисциплинарность самого В.А. Тишкова: по его собственным словам, он, «став этнологом, не перестал быть историком». Успех позиционирования этнологии косвенно выразился в высокой цитируемости этнологов и прежде всего их лидера (по данным международных индексов академик В.А. Тишков принадлежит к числу наиболее цитируемых в мире российских ученых-гуманитариев). Кроме того, его лицо, пожалуй, самое «медийное» среди антропологов и этнологов. Сегодня он приобрел еще один выразительный имидж – «кибер-академика»: он ведет свой сайт и страницу в Фейсбуке, где стекаются и обсуждаются новости научного мира. Возможно, покинув пост директора Института этнологии и антропологии, он приобрел еще больше пространства активности и влияния.

Приказ ФАНО об освобождении академика Тишкова от должности директора Института (по достижении преклонного возраста) пришелся на 8 июня 2015 г. – день, когда Президент России подписал указ о присуждении ему второй Государственной премии «за достижения в области этнологии и социально-культурной антропологии и разработку метода этнологического мониторинга и предупреждения этнополитических конфликтов». До В.А. Тишкова таких слов российская наука и политика не знала, и сама формулировка указа была воспринята им как высшая награда. Ученый совет единогласно проголосовал за утверждение его Научным руководителем института после 26 лет «администрирования без нажитых врагов».

Итоги научной деятельности В.А. Тишкова подводить рано (хотя уже сейчас выполненный им объем работ поражает воображение – одних только научных публикаций насчитывается больше 450, из них 20 книг, в том числе 10 авторских монографий, некоторые из них переведены на английский и китайский языки). Размышляя над феноменом В.А. Тишкова, мальчишки с Урала, сделавшего себя своими руками и мозгами интеллектуальным лидером гуманитарной науки России, можно допустить, что ему всю жизнь везло или, наоборот, что ему постоянно приходилось преодолевать

³⁰ Россия в Калифорнии, в 2-х т. Составители: А.А. Истомин, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков. М., 2012.

³¹ Этнокультурное взаимодействие в Евразии, в 2-х т. Редакторы: А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков. М., 2006; Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Редакторы: А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2010; Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Редакторы: А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2012; Традиции и инновации в истории и культуре. Редакторы: А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М., 2015.

трудности и тем самым побеждать. Упрощенно рецепт В.А. Тишкова можно сформулировать как тройное усилие: превосходство себя, смелая экспансия и мгновенное реагирование. Иногда кажется, что В.А. Тишков уже не в силах остановиться в поглощении новых сведений, открытии новых направлений, запуске новых проектов.

Из студенческой юности ему помнится случай, когда он, будучи на целине, пошел в ненастье доделывать незакрытую крышу, а вдогонку раздался сердитый окрик: «Тебе что, больше всех надо?!». В мемуарах В.А. Тишков добавляет: «Вот это смешанное чувство, что мне почему-то и довольно часто “больше всех надо”, сопровождает меня всю жизнь. Оглядываясь на прожитое, могу сказать, что инициатива и равнодушие не только наказуемы, но и вознаграждаемы».

И еще одно воспоминание время от времени всплывает в его памяти: подростком он как-то шел с мамой по плотине в Нижних Сергах. Вдруг она остановилась и сказала: «Посмотри, Валера, в каком красивом месте мы живем!». С тех пор Тишков объехал всю Россию и многие страны мира, но сохранил настрой видеть красоту, в том числе в таких сложных композициях, как «нация» или «идентичность». Его концепции и подходы во многом мотивированы поиском позитива и гармонии, что, наверное, и придает им и ему сил.